

АЙ ВЭЙВЭЙ

10000

ЛЕТ

РАДОСТЕЙ

И ПЕЧАЛЕЙ

АНО

АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Ай Вэйвэй
1000 лет радостей и печалей

«Альпина Диджитал»

2021

Вэйвэй А.

1000 лет радостей и печалей / А. Вэйвэй — «Альпина Диджитал»,
2021

ISBN 978-5-00-139890-5

Воспоминания одного из самых влиятельных художников и активистов современности Ай Вэйвэя на фоне драматических событий истории Китая последних ста лет. Сын выдающегося китайского поэта Ай Цина, подвергшегося репрессиям в годы «культурной революции», Ай Вэйвэй разделил судьбу семьи в изгнании и теперь, воскрешая в памяти картины страшного детства, пытается осмыслить связь времен. Он рассказывает о собственном схожем опыте переживания насилия и унижения, о непростом решении оставить семью, чтобы изучать искусство в Америке – где позже подружился с Алленом Гинзбергом, был вдохновлен творчеством Энди Уорхола и работами Марселя Дюшана. Откровенно и остроумно он описывает подробности своего возвращения на родину и становления – от никому не известного художника до суперзвезды мирового искусства и международного правозащитника, показывая, как на его творчество повлияла жизнь в условиях авторитарного режима.

ISBN 978-5-00-139890-5

© Вэйвэй А., 2021

© Альпина Диджитал, 2021

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ай Вэйвэй

1000 лет радостей и печалей

Переводчик *Дарья Алюкова*
Научный редактор *Юлия Дрейзис, канд. филол. наук*
Редактор *Роза Пискотина*
Издатель *П. Подкосов*
Руководитель проекта *М. Ведюшкина*
Ассистент редакции *М. Короченская*
Художественное оформление и макет *Ю. Буга*
Корректоры *Т. Мёдингер, Ю. Сысоева*
Компьютерная верстка *А. Ларионов*
Дизайн обложки *Ай Вэйвэй*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2021 by Ai Weiwei

This edition published by arrangement with Crown, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

АЙ ВЭЙВЭЙ 1000 ЛЕТ РАДОСТЕЙ И ПЕЧАЛЕЙ

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2023

*Посвящаю эту книгу
своим родителям и сыну*

Городище Цзяохэ

Как караван проходит навывлет город,
гомон людской обнимает трещотки верблюдов,
Так же шумны улицы и базары,
повозки рекой, коней вереницы – извивы дракона.
Но нет – великолепный дворец
уже обратился в руины.
От тысячи лет радостей и печалей
нет и следа.
Живущий – живи же как следует, в полную силу,
Не жди, что земля будет помнить¹.

АЙ ЦИН, 1980 ГОД

---

¹ Перевод Ю. А. Дрейзис.

Глава 1

Прозрачная ночь

Прозрачная ночь.

...Бездержный хохот летит с края поля...

Толпа выпивох

бредет, спотыкаясь, к уснувшей деревне...²

Строки из стихотворения «Прозрачная ночь», написанного моим отцом в шанхайской тюрьме в 1932 году

Я родился в 1957 году, через восемь лет после образования «нового Китая». Моему отцу было сорок семь. Пока я рос, он редко говорил о прошлом, потому что все было окутано густым туманом господствующей политической риторики и за любую попытку разобраться в фактах грозила такая расплата, о которой и подумать страшно. Чтобы соответствовать требованиям нового порядка, китайцам приходилось мириться с увяданием духовной жизни и невозможностью называть вещи своими именами.

Прошло полвека, прежде чем я стал об этом задумываться. Третьего апреля 2011 года, когда я собирался сесть в самолет в аэропорту Пекина, на меня налетел рой полицейских в штатском, и следующие восемьдесят один день я провел в темнице. Будучи в заключении, я стал размышлять о прошлом – в частности, я думал о своем отце и пытался представить, каково было ему восемьдесят лет назад в тюрьме для политзаключенных. Я понял, что почти ничего не знаю об этом его суровом испытании и никогда не проявлял особого интереса к тому, что он пережил. Мое детство пришлось на время, когда от яркого, всепроникающего света государственной пропаганды наши воспоминания исчезали, словно тени. Воспоминания казались тяжелой ношей, и лучше всего было разделаться с ними раз и навсегда; вскоре люди потеряли не только желание, но и способность помнить. Когда вчера, сегодня и завтра сливаются в одно размытое пятно, память – помимо того, что она таит опасность, – вообще не имеет особого значения.

Мои детские воспоминания по большей части разрозненные. Когда я был маленьким, мир представлялся мне в виде разделенного экрана. На одной его стороне с тросточками в руках вышагивали американские империалисты в смокингах и цилиндрах, а за ними семенили приспешники: британцы, французы, немцы, итальянцы и японцы, а также гоминьдановские реакционеры, засевшие на Тайване. На другой стороне стоял Мао Цзэдун в окружении подсолнухов, символизирующих народы Азии, Африки и Латинской Америки, которые стремились к независимости и освобождению от колониализма и империализма; именно мы олицетворяли свет и будущее. На пропагандистских картинках лидера Вьетнама дедушку Хо Ши Мина сопровождали бесстрашные молодые вьетнамцы в бамбуковых шляпах, с ружьями, наведенными на пролетающие над ними американские военные самолеты. Нам каждый день рассказывали истории их героических побед над разбойниками-янки. Между двумя сторонами экрана зияла непреодолимая пропасть.

В те времена информационной изоляции личный выбор напоминал ряску на воде, зыбкую и лишённую корней. Воспоминания, не подкрепленные личными интересами и привязанностями, иссыхали, трескались и рассыпались: «Для собственного освобождения пролетариат должен сначала освободить все человечество», как тогда говорили. После всех потрясений,

---

² Перевод Ю. А. Дрейзис.

пережитых Китаем, от подлинных эмоций и личных воспоминаний остались жалкие крохи, а их с легкостью вытеснила риторика борьбы и перманентной революции.

К счастью, мой отец был литератором. В своей поэзии он описывал чувства, спрятанные в глубине души, пусть даже эти ручейки честности и прямоты не находили выхода, когда многочисленные политические события неслись бурным потоком. Сегодня все, что я могу, – это подобрать раскиданные повсюду обломки, оставшиеся после шторма, и попытаться сложить их в единую, хотя и неполную картину.

В год моего рождения³ по воле Мао Цзэдуна разразилась политическая буря – кампания по борьбе с «правыми элементами», нацеленная на зачистку «ультраправых» интеллектуалов, критикующих правительство. Водоворот, поглотивший отца, перевернул и мою жизнь, а его последствия я ощущаю на себе по сей день. Отец был главным «правым элементом» среди китайских писателей, так что его отправили в ссылку для принудительного «трудового перевоспитания» – так пришел конец относительно безбедной жизни, которую он вел после смены власти в 1949 году. Сначала нас загнали в дикие ледяные степи у северо-восточной границы страны, а потом перебросили в город Шихэцзы, что в Синьцзяне, у подножия гор Тянь-Шань. Как лодочка, укрывающаяся от тайфуна, мы нашли там приют, пока политические ветры не сменили направление снова.

Затем в 1967 году «культурная революция» Мао вступила в новую фазу, и отец, которого теперь считали идеологом буржуазной литературы и искусства, опять оказался в черном списке идеологических врагов вместе с прочими троцкистами, отщепенцами и антипартийными элементами. Мне уже было почти десять лет, и последовавшие за этим события навсегда остались в моей памяти.

В мае того года наш дом навестил один из главных революционеров-радикалов Шихэцзы. Он сказал, что отец слишком хорошо устроился, а теперь его отправят в отдаленное полувоенное производственное поселение на «перевоспитание».

Отец ничего не ответил.

«Чего смотришь, ждешь прощальной вечеринки?» – осклабился тот.

Вскоре у входной двери нашего дома затормозил армейский грузовик. Мы загрузили в кузов кое-что из простой мебели и груды угля, а поверх – скатанные в рулоны постельные принадлежности. Больше у нас ничего и не было. Начал накрапывать дождь, отец занял место на переднем сиденье, а мы со сводным братом Гао Цзянем забрались в кузов и уселись на корточки под брезентом. Пункт нашего назначения находился на окраине пустыни Гурбантюнгут, которую местные называли «маленькой Сибирью».

Вместо того чтобы поехать с нами, мать решила вернуться в Пекин с моим младшим братом Ай Данем. Она провела в изгнании целых десять лет и была уже немолода, так что и думать не могла о переселении в еще более дикую глушь. Дальше Шихэцзы она уезжать не хотела. Сохранить семью не было никакой возможности. Я не стал умолять мать отправиться вместе с нами или оставить братика. Я промолчал – не попрощался и не спросил, вернется ли она когда-нибудь. Не помню, как скоро они пропали из виду, когда грузовик отъехал от дома. Мне было все равно, оставаться или уезжать, – в любом случае решать было не нам.

Грузовик мотало из стороны в сторону, пока он пробирался по этой бесконечной грунтовой дороге, усеянной ямами и промоинами, и пришлось вцепиться в раму кузова, чтобы меня не подбрасывало в воздух. Порыв ветра подхватил лежавший рядом коврик и за считанные секунды унес прочь – он исчез в облаке пыли, поднятой нашим грузовиком.

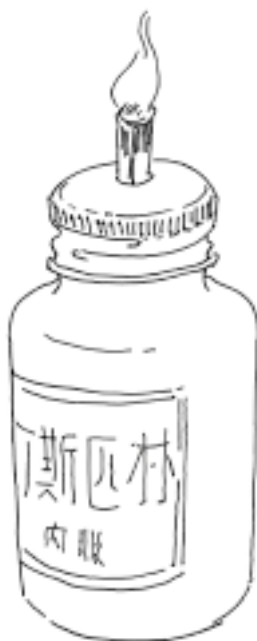
После нескольких часов ужасной тряски машина наконец остановилась на краю пустыни. Мы прибыли на место: в Синьцзянский военный производственно-строительный корпус, 8-ю сельскохозяйственную дивизию, 23-й полк, 3-е отделение, 2-ю роту. Это было лишь одно из

---

³ Ай Вэйвэй родился в 1957 году в Пекине. – *Прим. ред.*

многих подобных учреждений, появившихся в 1950-х годах в приграничных районах Китая. Цели у них было две. В мирное время работники производственно-строительного корпуса могли обрабатывать землю, культивируя ее и собирая урожай, что способствовало росту экономики страны. А если бы Китай вступил в войну с одним из соседних государств или же случились бы волнения среди этнических меньшинств, работникам предстояло военизироваться и участвовать в обороне страны. Как нам пришлось убедиться на своем опыте, такие подразделения иногда выполняли дополнительную функцию: становились домом для неугодных властям людей, выдворенных из их родных домов по всему Китаю.

Сгущались сумерки, и над чередой приземистых домиков раздавались звуки флейты. Несколько молодых рабочих стояли снаружи, с любопытством разглядывая нас. Комната, в которую нас поселили, была абсолютно пустой, за исключением двуспальной кровати. Мы с отцом внесли туда маленький стол и четыре стула, привезенные из Шихэцзы. Пол был земляной, стены – из саманного кирпича с торчащими пшеничными стеблями. Я смастерил простую масляную лампу: налил керосин в пустую аптечную бутылочку, проткнул крышку и продел через нее обрывок шнура.

Мой отец был очень неприхотлив, от жизни ему требовалось только одно – возможность читать и писать. Обязанностей у него тоже было немного. Мать сама выполняла всю работу по дому, не ожидая от нас помощи. Но теперь мы остались втроем – отец, Гао Цзянь и я; а наша жизнь на новом месте возбуждала любопытство у других рабочих – простых «бойцов воензированной фермы», которые стали задавать бесцеремонные вопросы. «Это твой дед?» – спрашивали они меня. Или: «Скучаешь по матери?» Со временем я научился сам вести хозяйство.

Я попытался сделать печку, чтобы мы могли согреться и кипятить воду. Но печной дым выходил откуда угодно, только не из трубы, так что от всей этой возни у меня мучительно болели глаза, я задыхался, пока наконец не сообразил, что нужен свободный доступ воздуха к топке. Были и другие домашние дела: принести воду из колодца, забрать еду из столовой, подкинуть дров в печь, выгрести из нее золу. Кто-то должен был это делать, и чаще всего этим кем-то оказывался я.

Казалось, что между нашей прошлой и нынешней жизнью порвана всякая связь: ничего общего, кроме закатов и рассветов. Наше существование превратилось в бесконечный курс

выживания в дикой природе, и неизвестно было, удастся ли нам выжить. Фасад здания производственной роты выходил на север, на пустыню размером со Швейцарию. Увидев ее впервые, я пришел в такой восторг, что побежал по голому песку и остановился, только когда запыхался. Затем я распластался по земле и стал смотреть в бесконечное синее небо. Но восторг быстро прошел. Под безжалостными лучами солнца на поверхности пустыни не было ни тени: соляное плато было таким белым, что казалось покрытым толстым слоем снега. Каждый порыв горячего ветра приносил сюда верблюжьи колючки, которые вместе с песчинками соли впивались мне в кожу, как иголки.

Прошлое работников было загадочным и темным, и этот приграничный регион помогал им оставить его позади. Этим людям уже забыли в родных местах, и они жили здесь и сейчас. Многие из них принадлежали к заклеянным «пяти категориям дискредитировавших себя слоев населения» – помещикам, кулакам, контрреволюционным элементам, преступникам и «правым». Или это были дети представителей «пяти категорий», как я. Встречались отставные военные, а также молодые люди, нежелательные в родных городах, либо беженцы из нищей китайской глубинки. Здесь, по крайней мере, они могли спастись от голодной смерти, обрабатывая пустую землю и выращивая урожай, достаточный для их пропитания.

Моего отца поначалу определили в отряд лесников. Чтобы изолировать его и ограничить тлетворное влияние на других, ему приказали в одиночку подрезать деревья и выдали секатор и пилу. Высаженные в хозяйстве вяза и лохи еще ни разу не подрезали, и они так разрослись, что напоминали скорее кустарник, чем деревья. Овцы обглодали и ободрали их стволы, а боковые ветви торчали во все стороны. Но отца новая работа вскоре увлекла – он любил деревья и радовался возможности находиться подальше от людей.

А я по утрам отправлялся на занятия, которые вел один на всю школу учитель в единственном классе, где, кроме меня, было еще шесть-семь второклассников и третьеклассников. В нашей роте не предлагали образования для детей постарше, так что мой брат Гао Цзянь, старше меня на пять лет, ходил в среднюю школу в другом подразделении производственного корпуса – там он и жил как школьник интерната.

Когда занятия заканчивались, я брал термос и отправлялся в долгий-долгий путь к отцу. Издали я наблюдал, как он ходит вокруг дерева, подравнивая ветки то тут, то там, а потом отступает на пару шагов и проверяет, симметричны ли стороны. Когда он наконец замечал меня, ему требовалось несколько секунд, чтобы расслабиться. Помню, как однажды он вытер пот со лба, жадно глотая принесенную мной воду, а потом протянул мне отпиленную ветку вяза. Он предусмотрительно отполировал ее, убрав все сучки и неровности, так что она стала гладкой и блестящей, как древний жезл.

В центре штаба роты находилось здание актового зала с пятиконечной звездой на фасаде, поблекшей и превратившейся из ярко-алой в ржавую. Здесь, в производственном корпусе, актовый зал выполнял ту же функцию, что святилище у наших далеких предков. Такие залы теперь можно встретить повсюду в Китае: на фабриках и в коммунах, в государственных учреждениях, школах и армейских частях. Над сценой висел портрет Мао, с Марксом и Энгельсом по левую сторону, Лениным и Сталиным – по правую, с обращенными в зал лицами и устремленными вдаль взглядами.

Независимо от того, насколько тяжелым был трудовой день, каждый вечер после ужина устраивали собрание. Под ярким светом ртутной лампы 240 рабочих и члены их семей расставляли по залу табуретки и садились слушать политинформацию с анализом политических процессов на национальном уровне. В те времена, когда политика вторгалась во все сферы жизни, человек должен был каждое утро запрашивать инструкции председателя Мао перед началом работы или учебы, а в конце дня проводился аналогичный ритуал: председателю Мао докладывали о том, как прошел трудовой или учебный день. Политрук давал указания: как нужно следовать политическому курсу, осуществлять политику партии и исполнять решения и директивы высшего руководства, а также изучать марксизм-ленинизм и маоизм. После этого начальник оценивал результаты трудового дня и распределял задания на завтра.

Обычно тех, кто попадал под «пять категорий», вызывали на сцену, где им полагалось покаянно склонить головы перед сидящими внизу. Даже если было очевидно, что мой отец присутствует, председатель все равно кричал: «Крупный правый элемент Ай Цин здесь?» Обращаясь к моему отцу, люди обычно добавляли «крупный» к слову «правый», ведь он был известным и влиятельным писателем. Однажды его даже обозвали «буржуазным романистом» – что странно, ведь прославился он все-таки как поэт. Но аудитории не было никакого дела до того, кем он был и чего достиг. Все сказанное на собрании рассматривалось как стандартная процедура и при этом в высшей степени разумная, ведь революции враги были нужны, иначе в народе зрело бы недовольство.

Когда отца вызывали, он вставал с табурета, пробирался через толпу и занимал свое место на сцене; он отвечивал низкие поклоны, каясь в преступлениях, а на его лоб падали волосы. На мгновение аудитория затихала, а потом снова погружалась в привычную беззаботность: дети носились по залу, мужчины обменивались похабными шутками, а женщины кормили грудью младенцев, или вязали, или же сплетничали, щелкая семечки.

Если начальник на сцене говорил: «А теперь пусть крупный правый элемент Ай Цин выйдет», отец поспешно выходил из зала. Он никогда не знал заранее, выпроводят его или нет. Все зависело от того, пришла ли от председателя Мао новая директива, которую потребуется довести до аудитории. Если она приходила, то людям вроде моего отца присутствовать запрещалось.

На заре «культурной революции» директивы от председателя Мао передавали почти каждый день или каждый вечер. Ротный секретарь записывал их под диктовку по телефону слово в слово, строчку за строчкой, а потом на вечерних собраниях их публично зачитывали. Эти сообщения выполняли примерно такую же функцию, как ночные твиты Дональда Трампа в пору его президентства. Это была прямая передача мыслей лидера его преданным последователям для поддержания священного статуса его власти. В случае Китая эти заявления превосходили трамповские и требовали полного повиновения. Стоило им прозвучать, как в ознаменование мудрости Мао раздавалась разноголосица барабанов и гонгов, наполняя слушателей энергией. Здесь, как и по всей стране, такие сцены разыгрывались каждый день, и оглашение «последних» директив продолжалось еще много лет.

Как нам говорили, «культурная революция» была «новой стадией углубления и расширения социалистической революции», «революцией, трогающей людей до глубины души». Ставилась цель «низложить власть имущих, идущих дорогой капитализма, подвергнуть критике буржуазные реакционные академические "авторитеты", равно как идеологию буржуазии и всех эксплуататорских классов, провести реформу образования, культуры, а также всех элементов надстройки, не соответствующих социалистическому экономическому базису, в интересах консолидации и развития социалистической системы». В годы моего детства повседневная жизнь была насыщена такими вычурными выражениями, и, хотя их смысл ускользал, похоже, они обладали гипнотическим, даже наркотическим эффектом. Все были ему подвержены.

Актовый зал служил также и столовой. Каждый день во время трапезы отцу полагалось вставать при входе и бить в старую эмалированную миску, объявляя во всеуслышание, что он «правый элемент» и преступник. Вскоре все привыкли к этому зрелищу, и рабочие просто проходили мимо, не замечая его, и становились в длинную очередь к окну раздачи. Им полагалось протягивать туда свою тарелку и талон на еду и цитировать председателя Мао, после чего повар накладывал порцию еды. Повар тоже произносил эту цитату в унисон, подтверждая свою приверженность делу революции. Наша жизнь была театром, и каждый на автомате играл отведенную ему роль: если бы отца не оказалось на его обычном месте у входа в столовую, это могло быть знаком приближения более серьезной беды, и люди могли встревожиться.

В те времена унылой рутины и нехватки продуктов все помыслы людей крутились вокруг кухни, пусть даже день ото дня ничего там не менялось. Каждое утро повар смешивал кукурузную муку с теплой водой и помещал тесто в решетчатый ящик площадью в квадратный метр, затем пять таких ящиков ставил в чугунный котел и полчаса держал на пару. Когда он снимал крышку, вся кухня наполнялась паром, и повар нарезал кукурузные хлебцы по вертикали и горизонтали. Получались четырехугольные куски по двести граммов. Он публично взвешивал эти кусочки, дабы продемонстрировать свою беспристрастность. Один и тот же кукурузный хлеб подавали каждый день, кроме 1 мая (Международного дня труда) и 1 октября (Дня образования КНР) – в эти праздники на хлебах появлялся тонкий слой красной глазури из сахара и, вероятно, из ююбового повидла. Если кому-то случалось обнаружить в своем хлебце кусочек ююбы, это вызывало некоторое возбуждение. Вокруг было раздолье кукурузных полей, но мы ни разу не ели свежую кукурузную кашу – только зерно из «военных запасов», которое хранилось неизвестно сколько, – от него саднило горло и несло плесенью с бензином.

Каждому из нас (отцу, Гао Цзяню и мне) полагалось только пособие в 15 юаней в месяц, что в то время составляло чуть больше 5 долларов. Так что наш совокупный месячный доход составлял 45 юаней, тогда как обычному рабочему платили 38,92 юаня. Отец курил дешевые папиросы, которые стоили пятерку за пачку и едко пахли паленой шерстью. Папироса часто гасла после пары затяжек. Из-за них в отцовской военной телогрейке появилось еще больше дыр. Спички считались стратегическим ресурсом, и каждой семье выделяли по коробку в месяц. Спички частенько заканчивались раньше, и мне приходилось ходить за огоньком к соседям, чтобы разжечь печку.

Ради экономии отец перешел на табак, который выращивала наша рота. Мы скручивали трубочки из старых чеков и набивали их измельченными табачными листьями. Каждый вечер я помогал отцу скрутить около двадцати папирос и аккуратно уложить их в бело-голубую фарфоровую банку, которая неведомым образом пережила набеги хунвэйбинов на наш старый дом. Крышка с ушком была из чистого серебра, а на самой банке был изображен мостик над ручьем и мальчик-слуга с цинем, а рядом – скалистый обрыв, низко склонившие ветви ивы и домик с соломенной крышей и приоткрытым окошком. Сияние белого фарфора и синего кобальта освещало даже самый темный угол.

Когда наступала ночь и на пшеничные поля опускалась непроглядная тьма, насекомые стрекотали без умолку. Мы с отцом садились по разные стороны столика, а масляная лампа отбрасывала на стены за нашими спинами тени – одну большую, одну маленькую. В голове у меня зачастую было так же пусто, как и в комнате, – ни фантазий, ни воспоминаний, и мы с отцом сидели, словно чужие, которым нечего сказать друг другу. Нередко я просто неотрывно смотрел на дрожащий огонек лампы.

Но иногда, когда я уже начинал клевать носом, отец погружался в воспоминания и принимался рассказывать о прошлом. Постепенно я переносился в места, где он бывал, встречал мужчин и женщин, которых он знал, и узнавал кое-что о его влюбленностях и браках. Пока он говорил, меня будто и не было рядом. Его рассказы, казалось, имели одну цель: добиться того, чтобы не иссяк поток воспоминаний. Здесь, в «маленькой Сибири», оторванность от внеш-

него мира сближала нас, а материальные лишения влекли за собой изобилие другого рода, что предопределило мой дальнейший жизненный путь.

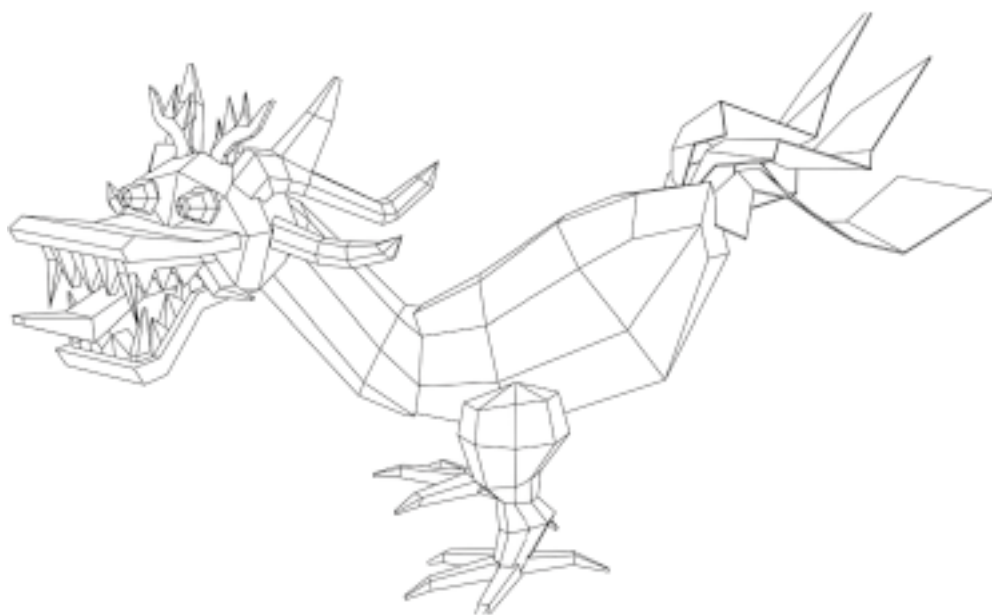
Глава 2

Сердца пылают

Появление моего отца на свет было непростым. Во время беременности бабушке приснился странный сон, в котором ее ребенка выбросило на берег небольшого острова посреди бушующего моря. Родственники и друзья согласились, что это дурной знак, и моя двадцатилетняя бабушка, которая тогда еще исповедовала буддизм (позже она приняла католичество), каждый день воскуривала фимиам и молилась о счастливом исходе. Однако тревога не отступала. Схватки продолжались два дня и две ночи, словно испытывая ее на прочность. Но наконец за шелковым балдахином кровати, украшенной красным лаком и позолотой, раздался пронзительный крик новорожденного.

Дед уже придумал ему имя, говорящее не только о месте мальчика в череде поколений, но и о моральном авторитете и социальном статусе семьи. Подобно тому, как на лаковый сосуд крепится кусочек перламутра, имя надлежало аккуратно вписать в генеалогию семьи, и оно неведомыми путями должно было влиять на будущее его носителя. Имя отца звучало как Хайчэн, где «хай» (海) означало «море», а «чэн» (澄) – «хрустально-чистое».

Отец родился в семнадцатый день второго лунного месяца второго года правления Сюаньтуна (27 марта 1910 года). В соответствии с китайским народным календарем этот день совпадал с весенним равноденствием, когда день равен ночи, а вся природа радуется пробуждению.

В деревнях считается, что дети, родившиеся в тот год, появились на свет, оседлав хвост дракона. И действительно – через восемнадцать месяцев в трехстах милях оттуда, в городе Учан, прогрессивные элементы из числа военных устроили переворот, положивший начало революции 1911 года. Вскоре южные провинции Китая стали одна за другой отделяться от империи Цин. В 1912 году империя Цин официально прекратила существование, а с ней закончился и двухтысячелетний период феодального самодержавия.

В глазах суеверных людей тяжелые роды были зловещим предзнаменованием. Через двенадцать дней, когда бабушка поправилась достаточно, чтобы принимать гостей, дедушка по тогдашним обычаям позвал предсказателя. Тот первым делом поинтересовался точным временем рождения ребенка, а потом спросил год, месяц, день и час рождения каждого из родителей. Затем он стал проверять координаты по большому компасу, который принес с собой.

После долгого и напряженного процесса сбора данных предсказатель огласил ошеломительный прогноз: новорожденный станет проклятием для родителей, и, если те вырастят его в своем доме, он «принесет родителям смерть». Они трактовали это так, что ребенка должен растить кто-то за пределами семьи. Радость от появления младенца сменилась ужасом, что он может принести несчастье. Даже если мальчик доживет до совершеннолетия, поведал предсказатель, ему лучше никогда не называть родителей отцом и матерью – только дядей и тетей.

Серьезность и мрачные предчувствия прорицателя глубоко впечатлили моих предков. Его толкование ситуации казалось столь же прочным и незыблемым, как мебель вокруг, и это зловещее пророчество отпечаталось на судьбе моего отца, как родимое пятно.

Отец, конечно же, ничего не знал о визите вещуна. Он спокойно лежал в бамбуковой колыбельке, закутанный в одеяло, на котором были вышиты слова «Десять тысяч радостей», и лишь бугорок на голове напоминал о долгих и тяжелых родах.

Отец родился в семье землевладельца в деревне Фаньтяньцзян, что в северо-восточном уголке тогдашнего округа Цзиньхуа, входящего в приморскую провинцию Чжэцзян. Бабушка и дедушка умерли до моего рождения, но, судя по двум сохранившимся фотопортретам, они очень походили друг на друга. Если бы не борода деда, их было бы не различить: и у мужа, и у жены круглые лица, высокие лбы, зачесанные назад волосы и выпуклые глаза с чуть опущенными уголками. Аккуратная одежда, добрые лица.

В своей деревне примерно в сотню домов мой дед Цзян Чжунцзунь считался культурным человеком. Свой кабинет он называл «кабинетом стремления к совершенству» и развесил по нему свитки с написанной им самим каллиграфией, что подтверждало его тягу к саморазвитию. В гостиной висела деревянная табличка с вырезанной надписью: «Блаженство в семейных узах», что в целом отражало его взгляды.

Дед владел лавкой, торговавшей соевым соусом, и магазином, где продавались импортные продукты, и, помимо этих дел, он тратил много времени на то, чтобы следить за текущими событиями и читать новые книги. Он был подписан на *Шэньбао* – газету на китайском языке, которую основал живущий в Шанхае уроженец Лондона. Если какой-нибудь житель деревни желал узнать, что творится в мире – например, каково положение дел на войне Китая с Японией, – он мог догадаться по одному только выражению лица моего деда. Дедушка также любил сосредоточенно изучать атлас мира, с интересом следил за новыми достижениями в прогнозировании погоды и читал «Эволюцию и этику» Томаса Гексли.

В деревне он считался сторонником реформ и одним из первых отрезал косу, бывшую символом подчинения ханьцев власти маньчжуров во времена Цин. Он разрешил женщинам своей семьи не бинтовать ноги и отправил двух дочерей учиться в христианскую школу, основанную Стеллой Релья – миссионеркой при Американском баптистском обществе иностранных миссий, которое в те времена насчитывало четверть миллиона последователей в Китае. Дед также состоял в Международном сберегательном обществе – французском банке в Шанхае. Доверить свои сбережения банку считалось тогда очень смелым шагом.

Моя бабушка, Лоу Сяньчоу, происходила из знатной семьи из соседнего уезда Иу. После моего отца она родила еще семерых детей, трое из них умерли в детстве, так что у отца было два брата и две сестры. Добросердечная и щедрая, бабушка часто угощала наемных работников то горстью дынных семечек, то арахисом. Студенты, жившие по соседству, заходили в их дом почитать газеты и журналы, а также поболтать с ней. Она не умела ни читать, ни писать, но

декламировала по памяти некоторые стихи эпохи Тан и народные песенки, а также обладала необычайным чувством юмора.

В 1910-м, в год рождения моего отца, бабушке едва исполнился двадцать один. Империя Цин приближалась к закату своего правления, длившегося 266 лет, а в России оставалось всего семь лет до свержения монархии и прихода советской власти. В тот год умерли Лев Толстой и Марк Твен, а Эдисон в далеком Нью-Джерси к тому времени давно изобрел фонограф. В Сянтане, в провинции Хунань, семнадцатилетний Мао Цзэдун еще учился в школе, а его первая жена, выбранная родителями по договорному браку, умерла за месяц до рождения моего отца. Но в Фаньтяньцзяне, как и многих других китайских деревнях, жизнь словно замерла, оставаясь ничем не примечательной и бесцветной.

Вскоре после того самого предсказания в одной крестьянской семье Фаньтяньцзяна родилась девочка, которую (по крайней мере, по одной из версий) сразу же утопила собственная мать, рассудив, что устроиться кормилицей в семью Цзян куда выгоднее, чем растить дочь, от которой мало проку в долгосрочной перспективе. Знаю, что звучит жестоко, но в те времена такое происходило нередко, да и сейчас случается.

Мать той малышки родилась в семье Цао из соседней деревни Даехэ (название переводится как «крупнолистный лотос»). Она попала в Фаньтяньцзян в качестве малолетней невесты одного из обедневших дальних родственников из большой семьи деда. Никто в Фаньтяньцзяне не потрудились узнать ее настоящее имя, и ее просто называли Даехэ – по названию ее родной деревни. Ей было тридцать три, когда она стала кормилицей моего новорожденного отца – таким образом она подрабатывала, чтобы обеспечить алкоголика-мужа и пятерых детей. Местные считали, что ей очень повезло так хорошо устроиться.

Дом Даехэ был в нескольких шагах от дома Цзянов. Он состоял из двух комнаток с низким потолком и почерневшими от кухонного чада стенами, где стояли деревянная кровать да колченогий квадратный столик. Между черепицами крыши проглядывало небо, а каменная плита снаружи служила ей сиденьем, на котором она кормила младенца.

В этом крошечном домике отец проводил все дни и ночи, за исключением Нового года и других важных праздников, когда родители на несколько дней брали его к себе в дом.

Владения семьи Цзян состояли из главного дома с пятью комнатами и пары двухэтажных флигелей из дерева с перекладинами, карнизами и окнами, украшенными резьбой с изображением символов удачи и исторических сцен. Приятный и тихий в любую погоду дворик был вымощен темными плитами, а в каменной кадке у водосточной канавы росли орхидеи и декоративная спаржа. Дом деда и прилегающие к нему здания были выстроены в одном и том же стиле и из одних и тех же материалов. Среди них не было двух одинаковых, но строения тесно переплетались, подобно нитям парчовой ткани, образующим основу, суть которой – конфуцианство. В их композиции воплощались созидание и недюжинное мастерство, демонстрирующие заведенный порядок, передаваемый от поколения к поколению веками.

В доме Даехэ отец лакомился сладкими рисовыми лепешками, копченой свиной и хрустящей выпечкой, начиненной молодыми листьями горчицы, которую он обожал. А потом сидел у Даехэ на коленях у огня и слушал истории. Она была всецело предана ему, и стоило мальчику позвать ее, бросала все дела и заключала его в объятия, прижимая свое опаленное солнцем лицо к его бледному личику. Даехэ наполнила его раннее детство теплом и любовью.

Цзиньхуа, крупнейший город района, лежал в котловине, окруженной со всех сторон холмами и рассеченной двумя реками, которые в конце концов сливаются и текут на север. Фаньтяньцзян находилась в двадцати пяти милях к северо-востоку от Цзиньхуа, на окраине уезда Иу. К северу от деревни виднелась Двуглавая гора, которая в определенном освещении озарялась теплыми красками. Из-под заросших колючками камней бил источник, а ниже по течению в глинистой почве, красной от оксидов железа, росли самые разные растения, в том числе бамбук, камфора, пихта и грецкий орех. Камелии, азалии, гранаты и османтусы также испещряли пейзаж.

Два древних камфорных дерева на пригорке встречали каждого, кто приходил в деревню. Понадобилось бы несколько человек, чтобы обхватить их необъятные стволы, а кроны за несколько столетий разрослись в широкий навес из листьев. В одном из деревьев было такое большое дупло, что дети забирались в него играть, а еще имелось углубление с прикрепленным изображением Будды. Жители деревни называли это дерево Бабулей и приходили к нему в поисках благословения для их детей.

Отец поздно произнес свои первые слова, а ходить начал лишь к трем годам – в деревне некоторые считали его дурачком. В четыре года пришла пора учиться, и дед забрал его от Даехэ обратно домой. Мальчик стал жить с родителями. В 1915 году, когда ему исполнилось пять, в деревне открылась частная начальная школа, где уроки вел учитель, искусный в живописи и ремеслах. Это пробудило у отца интерес к изготовлению вещей своими руками. Он сделал из дерева миниатюрный домик с открывающимися дверками и окошками и смастерил волшебный фонарь – затейливый, как калейдоскоп. Однажды зимой, когда мать дала ему угольную грелку, чтобы погреть руки, он взял ее и принялся раскачивать из стороны в сторону, отчего угли стали шипеть и потрескивать – к восторгу и удивлению младших детей. Видя, как увлеченно мой отец мастерил поделки, дед насмешливо говорил: «Может, отправить тебя к беднякам в работный дом?» В те дни ремесла не считались уважаемым занятием.

Находились у деда и другие причины для недовольства старшим сыном. Однажды воробей нагадил прямо деду на голову. Тот счел это дурным знаком и, дав сыну деревянную миску, велел сходить к соседям за специальным травяным чаем, чтобы «отвести беду». Однако отец даже и с места не двинулся, сочтя, что подобное поручение ниже его достоинства. Возмущенный непослушанием сына, дед схватил чашу и так сильно ударил его по голове, что рассадил кожу до крови.

Тетя (жена старшего брата деда) пришла в ужас, отвела мальчика в сторонку и пожарила пару яиц, чтобы утешить. «Если он тебя в другой раз побьет, – сказала она, – пожарю еще яиц, идет?» Отец кивнул. А потом сделал запись: «Отец побил меня – вот дикарь!» Дед обнаружил записку в одном из выдвижных ящичков и больше никогда не бил сына.

Детство отца никогда не было особенно счастливым, и чем дальше, тем напряженнее становились его отношения с родителями. Однажды отец сказал младшей сестренке: «Когда мама с папой умрут, я увезу тебя в Ханчжоу» (Ханчжоу – столица провинции Чжэцзян, расположенная в девяноста милях). Бабушка услышала это и позвала его в гостиную. Она взяла две связки монет из шкатулки с деньгами и повесила ему на шею со словами: «Если хочешь уехать, уезжай сейчас – нечего ждать нашей смерти». Пока мать отчитывала его, мальчик стоял молча. К тому времени он уже знал: однажды он уедет далеко-далеко, он увидит мир, такой, какого в его деревне никто никогда не видал, и побывает в таких местах, о которых деревенские даже не мечтали.

Вскоре после окончания Первой мировой войны, весной 1919 года, союзники встретились на конференции в Версальском дворце около Парижа, чтобы обсудить условия мирного договора, и Китай принимал участие в числе стран-победительниц. Но на Парижской мирной конференции проигнорировали требование китайской делегации о восстановлении территориальной целостности, пожаловав вместо этого германские колониальные владения в Циндао и Шаньдуне Японии. Когда новости достигли Китая, по всей стране вспыхнули протесты.

Четвертого мая около трех тысяч пекинских студентов собрались на демонстрацию перед Тяньаньмэнь – величественными воротами у южного входа в Запретный город, – требуя защиты национального суверенитета и отстранения китайских чиновников, обвиненных в сотрудничестве с Японией. Эта волна национально-освободительных настроений, которую стали называть движением «4 мая», вскоре распространилась по всей стране. При этом китайские интеллектуалы, убежденные в необходимости культурных перемен в стране для искоренения отсталости и предотвращения дальнейшего унижения, стали агитировать за «господина Демократию» и «господина Науку» (обращение «господин» призвано было передавать почтительное отношение к наставнику), а также критиковать конфуцианство и традиционный нравственный порядок, лежащие в основе имперского правления. Они кричали: «Долой семейную лавочку Кунов!» (так пренебрежительно называли конфуцианскую идеологию⁴) – и призывали молодежь осознать, что Китай находится в кризисе, превознося свободу, прогресс и науку. Эти идеи уже влияли на местное образование в Цзиньхуа, и учебники в начальной школе, где учился отец, теперь прививали зачатки демократии и науки.

Вдохновившись Октябрьской революцией в России, группа китайских интеллектуалов во главе с Чэнь Дусю и Ли Дачжао стала пропагандировать марксизм-ленинизм. В июне 1921 года Ленин прислал в Шанхай делегата Коминтерна под псевдонимом Маринг для проведения первого съезда Коммунистической партии Китая (КПК). Подготовка к съезду проходила в тревожной и напряженной атмосфере, и ее перенесли подальше от внимательных глаз Гоминьдана на судно на озере Наньху в Цзясине, городе в шестидесяти милях от Шанхая.

Впервые в программе партии появились такие понятия, как рабочий класс, классовая борьба, диктатура пролетариата, упразднение системы капиталистической собственности и коалиция с Третьим Интернационалом. Документы съезда печатали на русском – возможно, из-за того, что китайских эквивалентов этих терминов еще не существовало. Помимо Маринга (голландского коммуниста, чье настоящее имя было Хендрикус Сневлит), присутствовал еще один иностранный делегат – советский гражданин Никольский, чья личность оставалась в тайне почти полвека, пока с подачи Горбачева российский архив не рассекретил его имя: Владимир Абрамович Нейман-Никольский. Обвиненный в шпионаже, в 1938 году по приказу Ста-

---

⁴ Конфуций – латинизированный вариант имени Кун-фу-цзы. Конфуций происходил из знатного рода Кун. – *Прим. пер.*

лина он был расстрелян. Так началась долгая история Коммунистической партии Китая с ее взлетами и падениями.

В 1925 году в возрасте пятнадцати лет отца приняли в пансион Седьмой средней школы Цзиньхуа, расположенной в бывшем поместье одного из предводителей восстания тайпинов – величественном здании с просторным центральным залом. Это была школа для мальчиков, и большинство учеников происходили из семей обеспеченных мелких землевладельцев из близлежащих деревень. Под влиянием прогрессивных идей, захлестнувших страну, отец считал себя приверженцем западных демократических и республиканских ценностей и восхищался так называемой новой литературой – формой сочинительства, основанной на вернакуляре. Однажды на экзамене классу предложили написать эссе на классическом языке, а отец дерзко написал его на разговорном, озаглавив так: «У каждой эпохи – своя литература». Учителя это не впечатлило. «Незрелые идеи», – фыркнул он. Даже сегодня наивная отцовская проповедь литературы, подобающей своему времени, не снискала бы популярности.

Пока отец учился в школе, в возрасте сорока шести лет умерла Даехэ. Ее пятеро сыновей горько рыдали, и смахнул слезу даже муж, который частенько ругал и бил ее, стоило ему перебраться с выпивкой. Она прожила жизнь в бедности и все, что имела, покидая этот мир, – это трухлявый гроб. Но ранняя смерть означала, что больше ей не придется беспокоиться о том, что случится, когда умрет муж; или переживать о том, что старший сын стал бандитом; или горевать по второму сыну, убитому на войне; или раздумывать, чем будут зарабатывать ее третий, четвертый и пятый сыновья. Много лет спустя отец написал стихотворение в память о ее тяжелой, несчастной жизни: в нем кормилица мечтает, как придет на его свадьбу, а там красавица-невеста тепло назовет ее своей свекровью. Он тосковал по ней и признавал, насколько важную роль она сыграла в его детстве.

В школе отца все больше увлекало искусство. Под предлогом необходимости отлучиться в туалет он сбегал с математики и шел рисовать с натуры, возвращаясь лишь к самому концу урока. Когда он приезжал домой на летние каникулы, дед просил его присматривать за рисовыми полями, но вместо этого он вел младших братьев и сестер рисовать буддистский храм в полумиле от поля. Храм был построен в раннем Средневековье, и древние кипарисы во внутреннем дворике устремлялись высоко в небо. В главном зале стояла статуя пузатого Майтреи, а стишок над его головой гласил: «Все неместимое вместит большой живот, /Над всеми, кто смешон, смеющийся хохочет рот». В духе бунтарских настроений того времени мой отец как ни в чем не бывало помочился рядом с Буддой, чтобы продемонстрировать презрение к религии.

В мае 1925 года, когда он готовился к школьным экзаменам, тысячи шанхайских студентов высыпали на улицы, протестуя против плохого обращения с китайскими рабочими на японских предприятиях. Вооруженную полицию отправили арестовать протестующих, и днем 30 мая, когда студенты и местные жители вышли на демонстрацию и потребовали освободить арестованных, британские констебли открыли огонь. Более двадцати человек было ранено или убито. После этой кровавой расправы по всей стране вспыхнули протесты и бойкоты с требованием к государству упразднить колониальные форпосты иностранных держав на территории Китая. С середины XIX века западные страны создавали в своих китайских сэттльментах зоны, управляемые иностранцами, что нарушало суверенитет страны. В анклавах вроде Шанхайского международного сэттльмента и Шанхайской французской концессии такие администрации контролировали дела гражданского населения, сбор налогов, судебную систему, правоохранительные органы, образование, транспорт, почту и телекоммуникации, общественную инфраструктуру и коммунальные услуги, канализацию, даже размещали войска – фактически они были государствами внутри государства.

Школа в Цзиньхуа, где учился отец, проявляя солидарность с демонстрантами в Шанхае, инициировала движение. Ученики маршировали по улицам города, размахивая флагами, выкрикивая антияпонские лозунги и призывая рабочих бастовать, а торговцев – закрыть мага-

зины. Они ломали вывески и били витрины, переворачивали вверх дном склады в поисках импортных товаров, поджигали сваленные в кучи на берегу реки британские и японские продукты. Вдохновленный революционным духом отец решил отправиться в Гуанчжоу, чтобы поступить в Военную академию Китайской Республики. Когда дед узнал, что старший сын собирается бросить учебу, он так рассердился, что перестал с ним разговаривать. Учитывая непримиримую позицию деда, отец был вынужден отказаться от этой идеи.

В 1927 году шаткий союз между националистами и коммунистами вдруг развалился. В тот год, 12 апреля, когда соединения националистов дошли до Шанхая, их главнокомандующий Чан Кайши отдал приказ арестовать и казнить коммунистов, чьи успехи в мобилизации рабочих он воспринимал как угрозу своей власти. Вскоре ужесточение политики ощутили и в провинциальных городах вроде Цзиньхуа. Однажды утром директор школы велел ученикам собраться на спортивной площадке. Предлогом было обращение к ученикам с речью, но на деле школьное руководство просто хотело освободить общежития, чтобы обыскать их на предмет запрещенных предметов. Отец ускользнул и залез в свою комнату через заднее окно, чтобы вытащить оттуда книгу, которую тогда читал, – «О материалистическом понимании истории» Плеханова. Ему удалось незаметно выбросить ее в канаву. Эта размноженная на мимеографе книжка вдохновила его на изучение марксизма – учения, которое серьезно повлияло на его жизнь.

Осенью 1928 года, окончив школу, отец поступил на отделение живописи в новую Национальную академию искусств в Ханчжоу. Первый набор состоял из восьмидесяти учеников, и большая часть преподавателей получила образование за границей. В художественной академии отец нашел себе пристанище во времена политической нестабильности.

Ханчжоу славился красотой близлежащего озера Сиху, и при первой возможности отец складывал все необходимое в рюкзак и отправлялся туда рисовать. То в лесу у озера, то посреди холмов и полей он изображал приглянувшиеся виды, отдавая предпочтение приглушенным серым тонам. Он был прилежным студентом и любил природу так, как умеют только уроженцы сельской местности. На людях он держался особняком, но искренне сочувствовал бедным и страдающим. Героями его произведений часто были мелкие торговцы, лодочники и возницы, а также обедневшие жители крытых соломой домиков и их чумазы дети.

Утренние туманы и переменчивость озера Сиху вызывали у отца смутное ощущение одиночества и меланхолии, и он так и не прижился в Ханчжоу. В его жизни случился резкий поворот, когда одну из его картин заметил Линь Фэнмянь – на тот момент двадцативосьмилетний директор художественной академии, который в начале 1920-х годов провел несколько лет во Франции. «Здесь ты ничему не научишься, – сказал отцу Линь. – Тебе нужно учиться за границей».

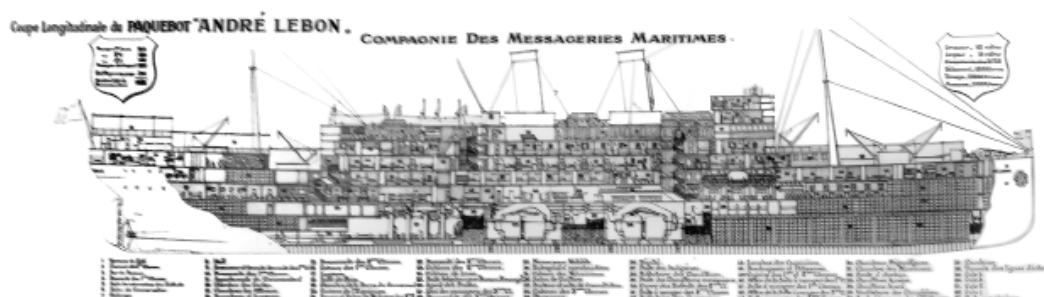
Мода на обучение в других странах началась с Движением самоусиления (1861–1895 годы), когда цинское правительство в условиях внешней и внутренней угрозы стремилось развивать производство, связь и финансовые услуги западного образца. Чиновники понимали, что если отправлять студентов учиться на Запад, это может сыграть решающую роль в овладении преимуществами западных технологий и науки. После Первой мировой войны Франция остро нуждалась в рабочей силе и стала принимать китайских студентов на программы, предусматривающие возможность совмещать учебу с работой. Некоторые из таких студентов – в первую очередь Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин – впоследствии стали видными фигурами в Коммунистической партии Китая. В Европе, на родине марксизма, вдохновленная коммунизмом китайская молодежь принялась искать новые идеи и теории, которые могли бы решить проблемы их родной страны.

Совет Линь Фэнмяня произвел на моего отца сильное впечатление. Но чтобы отправиться учиться за границу, необходимо было убедить деда. Поехав домой на зимние каникулы,

он взял с собой одного из учителей, чтобы тот помог повлиять на решение деда. «Если он отправится за границу, – сказал учитель, – то сможет по возвращении заработать много денег».

Дед был настроен скептически, но наконец сдался. Он поднял половицу и вытащил полный горшок серебряных долларов. В те времена в Китае такая монета была в цене: на один доллар можно было купить шестнадцать фунтов риса, шесть фунтов свинины, шесть футов ткани, а в некоторых местах даже небольшой участок земли. С мрачным видом дед дрожащими руками отсчитал восемьсот монет – достаточно, чтобы купить билет и прожить первые несколько месяцев во Франции, – а сам при этом втолковывал сыну, что тот обязательно должен потом вернуться. «Не слишком там увлекайся, не забывай родной дом».

В день отъезда, когда дед провожал моего отца до околицы, брущатая мостовая была залита утренним солнцем. Отец вскоре выбросил из головы большие надежды, которые на него возлагал дед: все его мысли были только о предстоящем путешествии, и он с нетерпением ждал, когда наконец уедет подальше от этих неплодородных полей и бедной деревушки, чтобы начать свои одинокие странствия на свободе.

«Андре Лебон»

судно André Lebon.

M. M. – CCI Aix Marseille Provence Collection, photography copyright © Marie Carroll.
Reprinted by permission of Marseille Cultural Review

Французский пакетбот «Андре Лебон» (André Lebon) был пришвартован к шанхайской пристани Шилюпу толстыми веревками, которые крепились за чугунные кнехты. Оливково-зеленый нос судна высоко вздымался над водой, и из двух кирпично-красных труб вырывался пар, скрывая из виду и берега, и расположенные вдоль реки лавки с западными товарами. От носа до кормы длина корабля составляла 528 футов – больше иной деревеньки, и его едва можно было охватить взглядом. Бесперывно галдели торговцы, расхваливавшие свои товары, возницы-рикши, босоногие портовые грузчики, носильщики с тяжелыми чемоданами на плечах и путешественники всех мастей, груженные собственными пожитками.

В конце 1920-х годов в Шанхае проживало около трех миллионов человек – почти как в Лондоне, Нью-Йорке, Токио или Берлине. Пристань Шилюпу в 16-м районе построили, когда в городе только открыли порт для внешней торговли, и теперь она была самым оживленным и светлым местом во всем Шанхае. Отсюда начинали свой путь и китайские рабочие, которых во время Первой мировой войны отправляли в Европу, и молодые люди, которые ехали туда учиться в послевоенные годы.

Отец был одним из нескольких сотен пассажиров, поднявшихся по сходням на борт «Андре Лебона». Отыскав место в третьем классе, он разместил свой багаж и художественные принадлежности, чувствуя себя рисовым жучком-долгоносиком в похожем на пещеру трюме судна. Его каюта была узкой и тесной, койки стояли близко друг к другу. Вскоре взревели дви-

гатели, и жар машинного отделения, смешанный с запахами грузов, наполнил коридор густым ароматом. Раздался гудок парохода, и отец остался смотреть, как пристань постепенно исчезает из вида.

Пароход вышел из Шанхая днем 9 марта 1929 года. Он доплыл до Гонконга за два дня и три ночи, а потом пересек Южно-Китайское море и на четыре дня остановился в Сайгоне для погрузки. В транспортной накладной навигационного журнала, который вел капитан Огюст ле Флек, значилось, что судно везет 20 220 мешков риса, 2958 мешков муки, 3941 упаковку резины, 562 мешка кофейных зерен, 1951 ящик чая, 477 мешков оловянной руды, 899 рулонов тканого шелка, 408 мотков шелка-сырца, 470 мешков перца, 300 мешков чернильных орешков и прочие товары общим весом в 3121 тонну. При виде кранов, грузивших в трюм корабля богатства колониальных портов, отец чувствовал нарастающее возбуждение, которое не покидало его все время, что он провел за границей.

К 27 марта корабль добрался до атолла Малику, что у южной оконечности Индии. Отец, поглощенный французской грамматикой, совершенно забыл о собственном дне рождения. Через четыре дня они доплыли до порта Аден, а оттуда направились к Джибути, что на Африканском Роге. Спокойно поднявшись по Красному морю, они прошли Суэцкий канал, и отец впервые увидел Средиземное море. Последний отрезок пути, сопровождавшийся штормами, привел их через Сицилию в Марсель в пятницу, 29 апреля 1929 года. Там мой отец сел на поезд до Лиона, до Парижа оттуда добраться было совсем просто.

В 1920-х годах Париж поражал приезжих шумом машин, трамваев и расширяющейся сети метро. Для молодого китайского студента, каким был мой отец, вероятно, стали откровением те свободы, которыми пользовались парижанки, позволявшие себе курить на публике, коротко стричь волосы, дерзко одеваться и заниматься спортом, не вызывая при этом особых критических замечаний. Известно, что Эрнест Хемингуэй вспоминал Париж 1920-х годов как «праздник, который всегда с тобой», но описанная Джорджем Оруэллом жизнь парижских трущоб представляла собой куда менее привлекательную картину: «Улица очень узкая – ущелье в массе громоздящихся, жутковато нависающих кривых облезлых домов, будто застывших при обвале. Сплошь гостиницы, все до крыш набиты постояльцами, в основном арабами, итальянцами, поляками. На первых этажах крохотные "бистро", где шиллинг обеспечивал щедрую выпивку. В субботу вечером примерно треть мужчин квартала перепивалась»⁵. Мой отец узнал бы Париж в описаниях Оруэлла и Хемингуэя, но его собственные воспоминания были иного рода.

Сначала отец вместе с несколькими друзьями решил ради экономии поселиться подальше от центра Парижа. Они нашли жилье в Фонтене-о-Роз, городе в шести милях к юго-западу от столицы, но имевшем с ним трамвайное сообщение. Там отец поселился в доме француза по фамилии Гримм – грубоватого парня, который много пил и дал отцу его первую работу в магазине велосипедных принадлежностей. Позже он переехал в меблированные комнаты Hôtel de Lisbonne на улице Вожирар в VI округе. Комнатка была крошечная, и прямо через нее проходила шумная труба, зато обходилась она дешево. Хозяйка-португалка была женщина доброй души, из тех, что не скандалят, когда жилец задерживает арендную плату.

Отец с интересом исследовал музеи и галереи и каждый день отправлялся рисовать модели в Atelier Libre на Монпарнасе, привлекавшее молодых художников вроде него низкой платой за вход. Ему удавалось точно схватывать движения простыми линиями. Ему нравились цвета и лиризм фигур и пейзажей Марка Шагала, и его завораживали дерзкие нововведения импрессионистов.

---

⁵ Оруэлл Джордж. Фунты лиха в Париже и Лондоне / Пер. с англ. Веры Домитеевой. – СПб.: Азбука-классика, 2003.

Работы Ай Цина, 1929 год

Одним из благоприятных последствий погружения в культурную жизнь Франции стало то, что его картину выбрали для участия в весенней выставке знаменитого Общества независимых художников, задававшего тон в искусстве. Это была небольшая картина маслом, изображавшая безработного, вдохновленная не столько политическими убеждениями, сколько его чувствами в качестве стороннего наблюдателя. Но то, что работу приняли на выставку, подняло его самооценку.

Единственное сохранившееся свидетельство о жизни отца в Париже – одна черно-белая фотография. Четыре парня стоят рядом на лужайке, и среди них, слева от мольберта, мой отец с зачесанными назад волосами, с кистью и палитрой в руках – типичный молодой азиатский художник. По контрасту с крупной головой его тело кажется еще более худосочным, а глаза сосредоточенно и уверенно смотрят прямо в камеру.

За несколько месяцев он истратил все деньги. Дед еще дважды присылал ему переводы, но отказался продолжать, так что отцу, чтобы сводить концы с концами, пришлось найти работу на неполный день. Каждое утро в мастерской американца Дугласа он украшал портсигары, нанося на них имена покупателей. За утро он мог расписать двадцать портсигаров и заработать двадцать франков. Таким образом выходило шестьсот франков в месяц, и все оставшееся после уплаты пятидесяти за аренду и десяти с чем-то в день на еду он тратил на книги, художественные принадлежности и повседневные расходы. Но через несколько месяцев после биржевого краха 1929 года мастерская закрылась.

За время Первой мировой войны во Франции наняли около тридцати тысяч китайских кули для работы на нужды фронта. Как вспоминал один французский генерал, они были хорошими солдатами, стойчески сносившими даже самые масштабные бомбардировки. Когда война закончилась, некоторые из них остались во Франции, так в Париже появился свой китайский квартал, где некоторыми ресторанами заправляли выходцы из Вэньчжоу – прибрежного городка неподалеку от Цзиньхуа. Всех китайских экспатов, независимо от места рождения или количества лет, проведенных во Франции, объединяло пристрастие к китайской кухне, и они регулярно наведывались в эти рестораны.

Однажды отец ел в китайском ресторане и заметил в противоположном углу другого парня-азиата с тонким лицом, острым подбородком и копной волос. Любопытство отца подстегнуло то, что этот посетитель засиделся после еды и все время поглядывал то на часы, то на улицу. Отец понял, что у того не хватает денег, так что подошел и оплатил его счет, а из ресторана они вышли уже вместе. Так началась многолетняя дружба.

Парня звали Ли Южань. Он родился в провинции Чжэцзян, как и мой отец, и был старше его на четыре года. Он изучал философию в университете и куда более активно участвовал в политической жизни. Являясь членом европейской ячейки Коммунистической партии Китая, он публиковал статьи в *Чигуане* – прогрессивном журнале, который за десять лет до этого создал Чжоу Эньлай.

Ли проводил отца до *Hôtel de Lisbonne* и увидел, что в его комнатухе вещей всего ничего: несколько фотоальбомов, сборники поэзии да кучка художественных принадлежностей. Его тронуло, что отец заплатил за его еду, хотя и сам нуждался, и впечатлило, насколько тот был предан искусству. С того дня они стали делиться заработанными деньгами, а при необходимости брали в долг на стороне, чтобы помочь друг другу. Отец рассказывал Ли Южаню об искусстве, а тот поощрял его читать больше философских и литературных произведений. Отца не интересовала учеба в университете, но он с радостью ходил с Ли Южанем на публичные лекции, где зачастую развлекался тем, что зарисовывал лысого профессора.

Почти пятьдесят лет спустя, когда «культурная революция» подошла к концу и мы наконец смогли вернуться в Пекин, мне удалось познакомиться с этим старым другом отца. Ли Южаню было под семьдесят, его худощавое тело, укутанное в синюю куртку, слегка покачивалось при ходьбе.

За прошедшие десятилетия они оба пережили одну за другой многие политические кампании и чудом остались живы. Когда отец и Ли Южань снова увиделись, оба заметно волновались. Они вспоминали прошлое, с удовольствием посмеиваясь, обмениваясь вопросами о том, как сложились судьбы такого-то и такого-то и где они сейчас. Было ясно: глядя друг на друга, они видели самих себя, будто воссоединились две части разломанного камня, став единым целым. Широко улыбаясь, они держались за руки, обнимались и никак не могли наговориться. Память словно служила им веревкой, за которую они хватались либо чтобы продвинуться вперед, либо чтобы перенестись назад в прошлое.

В тот день я проводил Ли Южаня до автобусной остановки. У торгового центра в квартале Сидань так сильно дуло, что мы с трудом шли против ветра – он нас чуть не снес. Перекрикивая рев ветра, Ли Южань рассказывал, как они с отцом на пустой желудок болтались по парижским бульварам и площадям, насвистывая и пиная камушки по пути. Пока он говорил, я почти слышал, как эти камушки падают на землю.

Будучи в Париже иностранцем, отец чувствовал себя в изоляции, и его тяга к знаниям лишь росла. Он часами изучал книжные киоски на берегах Сены, и стоило завестись в кармане кое-какой наличности, он покупал книгу и тут же углублялся в нее. В этот насыщенный чтением период он все больше размышлял о мире, и живопись часто уступала место раздумьям. Временами жизнь большого города и уличный гам смягчали его одиночество. Париж поменял его представления о прекрасном, побуждая его изучать и впитывать новую культуру, и, занимаясь живописью, он уже не жалел ярких красок для своих полотен.

Отец брал уроки французского у молодой польки, которая окончила Варшавский университет и теперь намеревалась получить здесь ученую степень по психологии. Трижды в неделю в семь вечера она приходила к нему для разговорной практики. Она радовалась при виде поэтических сборников на отцовском столе, и они долго разговаривали о русских поэтах Есенине и Маяковском. Впервые в своей жизни отец разговаривал по душам с человеком противоположного пола.

Однажды в вечерних сумерках отец мерил шагами тенистую дорожку возле университетской библиотеки, где занималась его подруга-полька. Они договорились встретиться у входа после закрытия библиотеки, и он пришел раньше. Ему часто казалось, будто он ждет чего-то, и тогда был именно такой момент. Одно за другим погасли окна, и полька вышла. Она весело поздоровалась с ним, и они отправились гулять бок о бок. Впервые отец почувствовал, что смущен ее соседством, и во время прогулки он заставлял себя держаться на определенном расстоянии.

Вскоре за ней приехала мать, чтобы увезти обратно в Польшу. Когда он пришел попрощаться, его молодая подруга стала задавать вопросы, которых раньше не задавала. Большая ли у него семья? Близкие ли у него отношения с сестрами? Как долго добираться до Китая?

«Тридцать пять дней», – был его ответ. «Ох, так далеко!» – Она в смятении отвела взгляд, и ее глаза наполнились слезами.

Уходя, мой отец подарил ей книгу с подписью на форзаце: «Когда возьмешь в руки этот том, вспомни парня с Востока».

За время жизни в Париже отцу редко требовался отдых, и бывали ночи, когда он вообще не мог заснуть. Девятнадцатилетний паренек, приехавший из чужих краев, он чувствовал, что его нынешняя жизнь оторвана от воспоминаний прошлого. Волнения и тревоги, амбиции и сомнения наполняли его голову идеями и чувствами, и он немедленно записывал в блокнот любую пришедшую на ум мысль, независимо от времени суток. Чтобы дать мозгу немного отдохнуть, он принимался ходить вверх-вниз по лестнице или гулять по бульварам в толпе. Он все чаще находил утешение в литературе, особенно в поэзии. Его восхищала проза русских авторов, в том числе «Шинель» Гоголя, «Дым» Тургенева, «Бедные люди» Достоевского, но особенно его влекла поэзия Блока, Маяковского, Есенина и Пушкина.

Поэзия для него стала приобретать возвышенный, почти священный статус. Он глубоко разделял приверженность к творческой, насыщенной эмоциями жизни, о которой говорили Аполлинер (он любил цитировать его слова: «У меня была свирель, которую я не променял бы на маршальский жезл») и Маяковский (перечислявший свои потребности: «Перо, карандаш, пишущая машинка, телефон, костюм для посещения ночлежки, велосипед»). Узнав о самоубийстве русского поэта в 1930 году, он горевал так, словно потерял дорогого друга.

Особое место в его сердце занимала гражданская поэзия бельгийца Эмиля Верхарна, и позже он бережно переведет на китайский сборник его стихотворений, озаглавив его *Юанье юй чэньши* («Поле и город»). По его мнению, Верхарн обладал как современной, трезвой рациональностью, так и эмоциями, более сильными и сложными, чем можно встретить у кого-либо из более ранних авторов. О Верхарне отец обычно говорил так: «Он предупреждал читателей о лавинообразном росте городов в капиталистическом мире и перспективе вымирания многочисленных деревень».

В собственном творчестве отец стремился найти слова, метко характеризующие социальные реалии и эмоции. «Мне становится плохо, когда ловлю себя на использовании шаблонных фраз, – писал он. – Отвратительно, когда поэт не брезгует штампами». Вдохновившись французскими сюрреалистами, он заполнял блокнот мимолетными ощущениями в стиле «психического автоматизма» Андре Бретона.

Под влиянием Ли Южаня отец начал знакомиться с революционными советскими фильмами, которые показывали в так называемом Ленинском зале, расположенном в рабочем районе Парижа. Как-то вечером они с Ли Южанем отправились в Латинский квартал, на рю Сен-Жак, 61, на собрание молодых прогрессистов из Восточной Азии. После этого он написал свое первое стихотворение – «Собрание».

Сбившись кружком, мы сидим в клубах дыма,
крики, шепот и шум над столами.

Голоса – нежность, ярость и взрывы пронзительных звуков...
Жаркие лица скачут под лампами.
Обрывки – французский, японский, аннамский⁶, китайский
бурлят по углам.
Очки, сигареты, длинные патлы.
Кто-то читает письмо, кто-то – газету...
Задумчиво, с горечью или в волнении...
безмолвно...
...пунцовые губы разверсты,
и брызжут слова, словно искры.
За всяким печальным, непримиримым лицом,
за каждым прямым или согнутым телом
рисуеться тень темной скорби.
Они кричат, и орут, и бушуют,
сердца их горят,
кровь вскипает...
Они – с востока,
японцы, аннамцы, китайцы,
Они –
обожают свободу и ненавидят войну,
из-за этого страждут,
из-за этого рвут себе душу,
обливаются потом,
умываются горькой слезой...
Стиснув кулак,
стучат по столу,
вопят,
ревом ревут!
Окна плотно закрыты,
за ними – тьма окружает,
капли дождя с болью стучат по стеклу...
Дом полон тепла,
тепло струится по лицам,
втекая в каждое сердце,
все дышат одним,
каждое сердце пылает одним и тем же огнем,
пылает,
пылает...
...
В этом мертвом Париже,
в эту мертвую ночь
на рю Сен-Жак, 61 – теплится жизнь,
наши души пылают⁷.

Через десять дней после написания этого стихотворения отец отправился домой.

---

⁶ Аннам (букв. «Укрощенный юг») – название северной части современного Вьетнама в период китайской колонизации. –
Прим. науч. ред.

⁷ Перевод Ю. А. Дрейзис.

Глава 3

Снег падает на землю Китая

*Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно;
а если умрет, то принесет много плода.*

*Ай Цин. Смерть назарянина, 1933 год (цитата из Евангелия от
Иоанна 12:24)*

В «маленькой Сибири» отец иногда рассказывал о своей парижской жизни, особенно в долгие, холодные зимы, когда в кухонном погребе оставались только картошка да лук. Париж мне представлялся невероятным, иным миром.

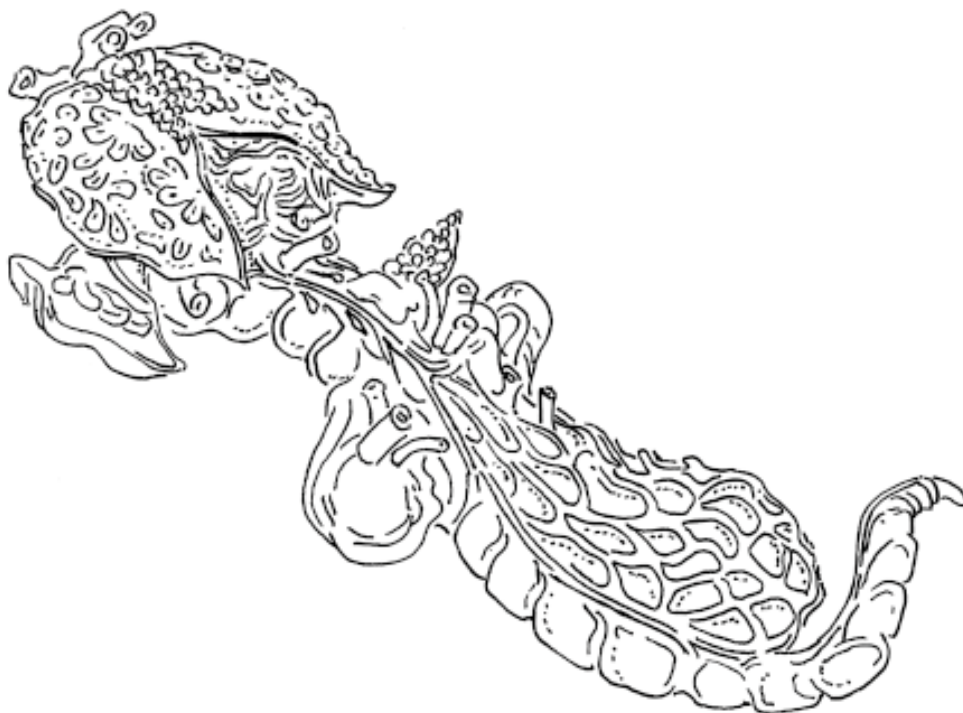
Зато летом со шпалер свисали зеленые бобы и огурцы, а еще были морковь, и алые помидоры, и огромные тыквы. Овощи и фрукты, которые выращивали члены «пяти категорий дискредитировавших себя слоев населения», были хороши и на вид, и на вкус. Эти свежие плоды добавляли красок в нашу тусклую жизнь, и мы, дети, охотно участвовали в сборе урожая.

Песчаная почва и засушливый климат были хороши для выращивания крупных арбузов, которыми садовод угощал детей, деля каждый плод надвое не ножом, а ударом ладони. Мы с товарищами погружали руки в ярко-красную мякоть, зачерпывали большие куски, клали в рот и глотали. Глядя на то, как мы набрасываемся на арбузы, садовод напоминал нам, что не надо глотать семечки: из выплюнутых вырастет урожай для пира на следующий год.

Роте принадлежало около четырехсот овец, но нас никогда не кормили бараниной. За исключением весны, когда овец стригли, нам надлежало держать от них руки подальше, а все мясо шло государству. Но однажды овцы забрели на поле люцерны – сельскохозяйственной культуры, которую в севообороте использовали для улучшения щелочной почвы, – и никто не сумел их оттуда выгнать. Пока отгаскивали одну, в люцерну забредала другая и принималась жевать ее нежные листья. От отчаяния немой пастух принялся скакать вверх-вниз. Овцы продолжали поглощать люцерну, останавливаясь только тогда, когда уже падали на землю из-за вздутия живота и не могли встать. Солнце уходило за горизонт, а серые глаза овец подергивались пеленой, и они медленно подышали одна за другой. В параноидальной атмосфере того времени это несчастье расценили не как случайность, а как серьезный политический инцидент.

Но нам это пошло на пользу. Всего за два мао я раздобыл овечьи сердце, печень, легкие, кишки, желудок и голову – все это мне просто свалили в ведро, и получилась горячая, вонючая мешанина. Я очистил внутренности, сперва вывернув кишки, чтобы выбросить содержимое (его количество поражало), и затем как следует промыв их. Потом я замочил их в соленой воде и отскребал, пока не ушел запах, и наконец бросил в кипяток. Я полоскал легкие, наливая в них воду через дыхательные пути, и шлепал, пока они не разбухли так, что чуть не разорвались, – тут из них и засочилась мутноватая жижа. Я продолжал, пока вода не стала прозрачной. Отчетливо помню радость на лице отца – это была большая редкость, – когда я подал на стол вареные внутренности и огромное блюдо с громоздящейся на нем овечьей головой.

При всей унылости тех дней еда все же заряжала отца энтузиазмом. Он хранил счастливые детские воспоминания о сладостях, но в тюрьме или в изгнании к процессу добывания пищи примешивался кислый вкус унижения.

В Париже в кафе неподалеку от отцовского пристанища продавали булочки с заварным кремом и называли их *chinois*, китайские булочки. Ему не нравилось, что выпечку, которую он никогда не ел в Китае, называли китайской, а также раздражало, когда во время завтрака посетители просили принести парочку «китайцев». Однажды он беседовал с другом, а прохожий крикнул: «Эй, китаец, на этом языке тут нельзя говорить. Во Франции говорят на французском». В другой раз, когда отец рисовал на пленэре на окраине города, к нему, пошатываясь, подошел подвыпивший француз, взглянул на его полотно и выкрикнул с издевкой: «Эй, китаец! В твоей стране черт-те что творится, а ты тут малюешь как ни в чем не бывало!» В этой брошенной невзначай презрительной фразе звучали все унижения, которые отцу приходилось сносить в чужой стране, и внезапно он почувствовал непреодолимое желание поскорее вернуться на родину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.